

Булат Арсал

Путешествия
в пассажирском вагоне

Путешествия
в пассажирском вагоне

Булат Арсал

**Путешествие в
пассажирском вагоне**

«Автор»

2026

Арсал Б.

Путешествие в пассажирском вагоне / Б. Арсал — «Автор», 2026

Писатель и публицист Артур Асхатович Салахов, издающийся под псевдонимом Булат Арсал, более знаком широкому кругу читателей, как автор фронтовой прозы, посвящённой войне на Донбассе. «Короткие повести о долгой войне», «Мариупольский конвой», «Война под терриконами», «Ихтамнеты» - книги, повествующие о реальных событиях, очевидцем и участником которых был сам автор. В предложенном же сборнике рассказов Булат Арсал раскрывается совершенно с иной стороны. Описанные истории из жизни, которую автор ассоциирует с поездкой в пассажирском вагоне, полны здорового юмора, самоиронии и сарказма. Небольшой формат книжки удобен для чтения в пути, когда за окном пролетают полустанки и приветствуют вокзалы больших городов, а напротив вас уютно устроился попутчик, с которым вам непременно захочется пообщаться. Поводом для завязывания разговора могут послужить рассказы из сборника, которой вы держите в руках. ISBN 978-5-6052426-2-8

© Арсал Б., 2026

© Автор, 2026

Булат Арсал

Путешествие в пассажирском вагоне

Булат Арсал

Коротко об авторе.

Писатель и публицист Артур Асхатович Салахов, издающийся под псевдонимом Булат Арсал, более знаком широкому кругу читателей, как автор фронтовой прозы, посвящённой войне на Донбассе.

«Короткие повести о долгой войне», «Мариупольский конвой», «Война под терриконами», «Ихтамнеты» - книги, повествующие о реальных событиях, очевидцем и участником которых был сам автор.

В предложенном же сборнике рассказов Булат Арсал раскрывается совершенно с иной стороны. Описанные истории из жизни, которую автор ассоциирует с поездкой в пассажирском вагоне, полны здорового юмора, самоиронии и сарказма. Небольшой формат книжки удобен для чтения в пути, когда за окном пролетают полустанки и приветствуют вокзалы больших городов, а напротив вас уютно устроился попутчик, с которым вам непременно захочется пообщаться. Поводом для завязывания разговора могут послужить рассказы из сборника, которой вы держите в руках.

Путешествия в пассажирском вагоне. (Сборник рассказов)

Вместо пролога.

Почти каждый второй житель нашей необъятной страны хотя бы один раз в год совершает путешествие в пассажирском поезде. В зависимости от размера официального жалования или иных ресурсов содержания железная дорога предлагает различные уровни комфорта, с которыми седок-путешественник доберётся из пункта «А» в пункт «Б».

Основная масса дисциплинированного электората России предпочитает экономить, но абсолютно каждому хочется хоть разок в жизни прокатиться в специальном вагоне повышенного класса, где купе будет оккупировано только персонально им-любимым или, на худой конец, одним соседом. Возможно, такой случай попадания в уютную гостиницу высокого класса на колёсах произойдёт в первый и последний раз, но в любом случае всю поездку не будет покидать ощущение себя человеко-пассажиром, взошедшим, пусть временно, но на высшую ступень социального железнодорожного лифта над несчастными обывателями, снующими со своими рюкзаками, сумками, саквояжами и чемоданами на колёсиках (и без) в узких проходах вагонов пониже классом.

Понятное дело, когда всё оплачено, то так и хочется по максимуму получить весь список удовольствий от поездки не в тесноте и не в обиде, и не уступая место соседям сверху на «покушать» или «просто посидеть». Важно не забывать, что чувство превосходства улетучится, как только «сверх - пассажир» сойдёт с поезда и окажется в тесном, уравнином, людском потоке, несущим несчастного к переходам в метро или привокзальным площадям.

Но вернёмся к нашим поездкам, которые, как известно, имеют вагоны повышенной комфортности на весь состав не более одного-двух, в зависимости от его направления, дальности и фирменности. Согласитесь, в России людей беспечно богатых куда меньше, чем середнячков, экономящих на поездках. Основная масса пассажиров едет вагонами купе и плацкарт, рассказывать о которых можно так же бесконечно, как безграничны темы историй, поведанные вашими соседями, расположенными и снизу, и сверху, и даже сбоку от вас. Посвящать в соб-

ственную жизнь случайных попутчиков - это действительно феномен, который, кажется, свойственен только путешественникам общего происхождения из некогда единой семьи всех народов с неприлично-привычным названием «Совок». А объясняется этот клинический случай одним – очень хочется вылить из души накопившиеся сомнения и вопросы к самому себе, что начинаешь искать оценку своим поступкам или оправдания собственным ошибкам у людей, совершенно незнакомых и временно оказавшихся с вами за одним столиком купе или отсека плацкарты. Вот выскажешься такому, получишь от него моральную поддержку на прощание и поминай, как звали твоего слушателя, уже сошедшего на последней станции. А дальше дорога продолжается и вот уже ты становишься сам слушателем теперь уже чужой истории и так же сочувствуешь, поддерживаешь, хлопаешь по плечу на прощание и уже сам выходишь из вагона, напроць забывая, как звали-величали недавнего соседа-рассказчика

Ваш покорный слуга специально не считал количество тысяч километров стальных рельсов, по которым пришлось поколесить за свою жизнь, но даже на вскидку наберётся не менее пяти десятков. Должен сразу заметить, что прожитые годы были необычайно интересны, содержательно насыщены и захватывающе увлекательны. Весьма не последнюю роль в моей судьбе сыграла наша российская железная дорога с её пассажирскими поездами, подстанниками для чая, случайными попутчиками и проводниками, вагон-ресторанами и вечно ломающимися туалетами, большими вокзалами и маленькими полустанками, нудно плачущими грудничками, пьяными вахтовиками, оглушающим трактороподобным храпом и удушающим «благуханием» потных немытых ног. И конечно же, куда без них, равномерным стуком колёс на рельсовых стыках и лязгом междувагонных сцепок, под которые кто-то мгновенно засыпает, а кто-то не может заснуть всю дорогу.

К тому времени, когда я ударился в написание прозы, мне было достаточно лет, чтобы почерпнуть из них много разнообразных сюжетов, готовых как темы или даже целые сюжеты для творчества. И вот однажды я поймал себя на досадном признании, свербящем меня, не переставая до сих пор... Я осознал, что потерял огромный пласт материала, рассказанного мне моими попутчиками в дороге, которые могли бы лечь в основу литературного творчества. Самое обидное в том, что я помню, как они были чрезвычайно интересны, однако, напроць забыл их суть. Помню, что смеялся, сокрушался, переживал и сочувствовал, но огрейте меня утюгом по голове, не помню из-за чего.

Теперь другое дело... Слушаю внимательно, делаю наброски и собираю их в некую кладовую, как ценнейшие капельки янтаря, из которых впоследствии можно будет подобрать разнообразные ожерелья рассказов, повестей и романов. Более того, я делаю это не только в поезде, но и просто по жизни, которая, как ни крути, очень похожа на путешествие по железной дороге...

Памятная встреча.

Это произошло именно двадцать первого октября две тысячи девятого года и никто не сможет меня переубедить в обратном, так как именно за сутки до этого события весь футбольный мир Европы, объединённый в Союз европейских футбольных ассоциаций, стал свидетелем жесточайшего унижения непобедимой «Барселоны», полученной от никому неизвестной команды из мало кому известного в Европе города. Казанский «Рубин», одержав грандиозную победу в гостях со счётом 2:1, вышел в Лигу Европы. Однако, пока оставим футбольную тему, обещая вернуться вскользь к ней чуть позже.

Дело было вечером, делать было есть чего. Я набрал полные лёгкие воздуха, выйдя, наконец, из чрева лабиринтов Московского метро на Комсомольскую площадь прямо у Казанского вокзала. До отправления фирменного поезда «Москва-Казань» было достаточно времени, чтобы, неспеша пройти на нижнее место спального вагона купе согласно купленному билету, переодеться в дорожное, развернуть на столике газетку, выложить на неё три подввален-

ные с душком тараньки, достать из портфеля типа «саквояж» парочку ещё холодных бутылочек «Жигулёвского барного» и приготовиться к употреблению столь аппетитного натюрморта под тот самый мерный стук колёс, наблюдая за окном дождливые улицы и прощальные огни вечерней Москвы. После трудового дня и беготни по разным командировочным делам лучшего отдыха придумать было бы трудно. Романтика...

Отодвинув дверь купе, я был не просто разочарован увиденным, мне пришлось набрать всю силу своей воли в мощный кулак, крепко сжимающий ручку портфеля, просто забросить ношу под моё предполагаемое место и оставить соседей без своей компании. Дело в том, что моими попутчиками до самой Казани оказались три весьма говорливые старушечки, вольготно разместившиеся со своими домашними дорожными заготовками и тремя подстаканниками чая на всём периметре небольшого откидного столика. Несколько секунд моего замешательства хватило, чтобы услышать основную животрепещущую тему разговора, который не был прерван даже на короткое приветствие: «Здравствуйте». Я никогда не был искушён в бразильских, испанских, мексиканских, аргентинских и прочих сериалах, но тогда я отчётливо услышал, что «Хуан Антонио обещал убить Луиса Альберто, если тот не перестанет преследовать Марианну Вильяреаль, а свидетелем этих угроз стала подруга Марианны Патриция Медина». Не берусь утверждать безусловно, но что-то в этом роде как раз и обсуждалось горячо, когда все мои чаяния на пиво с таранькой рассеялись в прах.

Ничего не оставалось, как направиться в вагон-ресторан и просто хлопнуть пару рюмашек водочки, закусив селёдкой под уксусом и лучком. Поезд только начал набирать ход и не совсем распрощался с вечерними фонарями мегаполиса, но за одним столиком спиной к входу с моей стороны уже сидел первый посетитель. Я проследовал мимо, нырнул на место, которое располагалось через проход и одновременно напротив пассажира, пытавшегося без очков прочитать содержание меню. Ссутулившийся и сильно прищуривший глазки, что-то бормоча одними губами и при этом водя указательным пальцем по строчкам меню, передо мной сидел тот самый кумир моего детства, отрочества, юности, студенческой молодости и просто самый главный мастер эстрады и юмора для нескольких поколений нашей железнодорожной страны... Для меня он являлся безусловно таким и поэтому я знал его не просто по фамилии и имени, как его объявляли по телевизору, а ещё и по отчеству, что артистам такого уровня особенно приятно. Как только он поднял голову, чтобы кликнуть официанта, я тут же произнёс сакраментальное: «Добрый вечер!» и, недолго думая, но уже громче и с особым ударением: «Геннадий Викторович!».

Да, уважаемый читатель! Буквально в двух метрах от меня, в ожидании ужина в полосатой белой рубашке и накинутом сверху сером джемпере сидел Геннадий Викторович Хазанов. Его знаменитая улыбка, теперь обращённая лично ко мне, напрочь выветрила остатки досады, ещё недавно застрявшие в моём самолюбии после несложившегося пивного застолья. Какое там пиво с таранькой?! Тут целый Хазанов напротив, бесплатно, под сто граммов и селёдку!

Конечно, хотелось поговорить, пообщаться и высказать, так сказать, личное восхищение талантом и прочее, прочее, прочее, но тут в проходе между столиками начал снова народеть, быстро пытающийся занять места поудобнее. Я заметил, что к Хазанову не подсаживали и уже через пять-семь минут практически каждый столик имел вокруг себя по четыре человека за исключением мест рядом с Геннадием Викторовичем. Подсаженный ко мне с боку молодой паренёк ткнул меня локтем, и тихо на ухо спросил:

- Это чё, в натуре Хазанов?

Я утвердительно мотнул головой и, скромно опутив взор в тарелку, принялся готовить селёдку с луком в занятое путешествие по перипетиям моего кишечного-желудочного тракта. И вот тут в зал вагона-ресторана ввалилась весёлая-развесёлая парочка, а официанту ничего не оставалось делать, как подвести «сорокаградусный дуэт» уже к столику Хазанова. Как я тогда позавидовал искренней белой завистью этим ребятам и тут же позлорадствовал над несчаст-

ными клоунами, когда разбитной битюг с известной долей показного бахвальства выдал своей подруге чудный перл:

- Во! Манюня! Смори с кем щас кушать водочку будем! Это ж сам Ярмольник Лёнька! Ты его узнаешь?!

На что не менее охреневшая Манюня выпустила ещё хлеще:

- Ты чё, дурак?! Это Якубович, только без барабана и усов!

Пока они по лошадиному ржали, пытаясь удержаться от смеха и болтанки вагона, возмущённый артист рукой подозвал официанта, что-то сказал тому на ухо, указав в мою сторону кивком головы. Через минуту-другую обиженная и униженная охраной и официантами парочка молча сидела на наших прежних местах, а мы с моим новоявленным соседом по столику глупо улыбались свалившемуся на нас счастьем, совершенно не зная с чего начать разговор.

- Гена, - серьёзно представился артист и, чуть приподнявшись, первым протянул руку мне, а потом моему соседу.

Мы ответили взаимностью.

- Да кто же вас не знает, Геннадий Викторович? – оценил я остроту юмора Хазанова, на что он с совершенно невозмутимым лицом ответил:

- Как видите, меня ещё часто путают с коллегами и, заметьте, сразу с двумя...

Серьёзная маска слетела с его лица и мы вновь увидели открытую, доброжелательную улыбку, тут же сообразив, что он на самом деле только играл обиженную звезду эстрады.

- Вообще-то я не очень люблю открытого панибратства, особенно, с незнакомыми, да ещё пьяными людьми. Но, сами понимаете, издержки профессии. Наверное, именно поэтому не люблю ездить поездами.

Он говорил и не приступал к еде в ожидании своего графинчика водки. Я предложил налить из своего, на что он вежливо поднял ладонь, предупредив:

- Я не хочу вас обидеть, но мне не хотелось бы выглядеть перед вами неким актёром захолустного театра, пришедшим в кабак ради стопки-другой от добрых поклонников. Знаете ли, еврейское происхождение не позволяет залезать в долги.

Он говорил улыбаясь, но нисколько не давая повода подумать, что человек брезгует компанией. В общем, каждый наливал себе из своего графина и закусывал собственной сельдью под маслом и уксусом. После первой он тут же пояснил, что нам редко повезло увидеть его в поезде уже только потому, как был неожиданно приглашён на юбилей завода в городе Гусь Хрусталь, а единственный и самый скорый способ добраться была и остаётся железная дорога.

Видимо опасаясь, что разговор может перейти в некий вечер встречи со знаменитостью, Геннадий Викторович неожиданно спросил:

- А вы сами, господа, куда едете?

- А здесь же одна станция после вашей, - ответил я за обоих, - Казань.

- Это очень красивый город. Я был в гостях у Минтемира Шаймиева. Очень мудрый руководитель. А какая у вас хоккейная команда?! «Ак Барс» под руководством Зины просто взлетел!

- Вы имеете в виду Зинатуллу Билялетдинова?

- Да. Зиной его в команде называли и друзья. А мы с ним приятели давнишние.

- Но у нас ещё есть «Рубин».

Вот тут он спохватился и быстро налил себе полрюмки водки, предложив сделать то же самое и нам.

- Удивительная и просто фантастическая была вчера игра с «Барселоной»! Вы смотрели! И откуда такой тренер нашёлся? Вот его надо на сборную ставить...

Мы кивнули в ответ и вслед за тостующим опрокинули свои полтинники прямо в глотку за победу «Рубина».

Перекинувшись о футболе не более, чем тремя-четырьмя репликами, разговор плавно перешёл за кулисы руководимого им, к тому времени, Московского театра эстрады...

К слову сказать, мне приходилось бывать, и не раз, на концертах на сцене этого театра ещё в бытность там руководителем Бориса Брунова с его несменяемым годами номером, где он пародировал различных исполнителей мировой эстрады под фонограмму. Я помню, как в самый заключительный момент номера этот низкорослый, круглолицый, прилизанный бриолином, лопухий толстячок на высокой платформе, раскинув высоко руки, «извергал» детский фальцет Робертино Лоретти. Зал выпадал от неудержимого хохота, а довольный Брунов вежливо раскланивался и принимал от благодарных зрителей не только аплодисменты, но и букеты шикарных цветов. Злые языки поговаривали, что букеты тут же возвращались в фойе в цветочный киоск для того, чтобы вновь быть врученными во втором отделении уже другому артисту. Но мы простим старому, обаятельному, всенародно любимому кумиру эстрады и добродушному алкоголику его мелкие шалости и вернёмся к нашему собеседнику...

- То, что Борис Сергеевич страдает этим делом, - Хазанов щёлкнул пальцем чуть правее кадыка, - я знал, но никто его осуждать не мог. Во-первых, это никогда не отражалось на его профессиональной деятельности. Во-вторых, он не пил aby с кем и aby что. После смерти Брунова меня попросили возглавить Московский театр эстрады и первое с чего я начал – это вынес несколько холодильников отборного коньяка из его кабинета и персональной примерочной. Коньяк не пропал, а был выставлен в буфете. Но о чём это говорит?

Мы переглянулись с соседом и пожали плечами.

- Это говорит о том, что он просто благодарно откладывал гостинцы от многочисленных друзей и коллег по цеху, а не брался тут же за фужер, дабы сходу употребить. И потом, Борис Брунов был профессиональным конферансье, которого часто приглашали в качестве тамады. А у этой профессии, согласитесь, есть свои издержки производства.

- Скажите, Геннадий Викторович, - решился я задать первый вопрос, - Раньше, ещё в восьмидесятые, я мог в течении года оказавшись в Москве, запросто купить билет в одной из театральных касс метрополитена и попасть на концерт в Мосэстраду, где вполне себе можно было увидеть множество артистов, на которых сейчас билеты стоят так, что хочется просто уйти и больше не думать о нём?

Хазанов слушал вопрос, задумчиво ковыряясь вилкой в тарелке, выдержал паузу и ответил:

- Талант Брунова был в том, что он умел подобрать сборный концерт, куда включал одну-две звезды и множество талантливой молодёжи. Расценки Госконцерта не выходили за рамки установленных тарифов согласно табели о рангах от рядового до народного Союза. Вот это и позволяло Брунову за относительно небольшую, для Москвы, стоимость билетов обеспечивать аншлаг. А многомиллионный трафик ежедневного народооброta через столицу нашей Родины позволял ему проводить концерты четыре или пять раз в неделю. Вообще-то Борис Сергеевич имел предприимчивую жилку, а власти его любили, в том числе и, как фронтовика. А сколько он открыл молодых талантов для советской и российской эстрады? Ни один современный продюсер не сможет за ним угнаться. И, заметьте, всё бесплатно для начинающих артистов. Только из любви к эстраде...

- Получается, что вам сейчас намного труднее, чем Брунову?

- Нет. Нисколько не труднее. Просто изменились формы работы, когда сборную солянку собрать невозможно, потому что каждый теперь «звезда», хочет сразу, хочет много и хочет на сцене «сверкать» один... Ну, и пусть себе сверкает на стадионах, а мы ... Мы - театр! – он произнёс последнее слово, как Марк Бернес произносил в известной песне слово «Родина».

Потом Хазанов рассказал про антрепризы, в которых играют именитые театральные актёры, не только не разбалованные сладкими гонорарами, а ещё и не предавшие забвению своё главное предназначение в жизни – нести истинную культуру в народ.

- Оставить след в истории не каждому артисту удаётся, - попытался я поддержать тему разговора, - Вот вы что думаете о том, как низко пал уровень юмора? Я не говорю уже о настоящей сатире, как это было у Райкина...

- Вы имеете в виду «Аншлаг»? – ответил вопросом на вопрос наш собеседник.

- Хотя бы и так. Не верится, что на их концертах действительно народ хохочет и аплодирует стоя.

Геннадий Викторович наполовинил очередную рюмку, выпили, он откинулся на спинку сиденья и ответил:

- Не хочу и не имею права за глаза обсуждать своих коллег по эстраде, хотя, не всех, кто висит на афишах «Аншлага» я могу к ним отнести.

Тут, наконец, вступил в разговор сосед, который представился Володей:

- Но ведь показывают полные залы на концертах, народ смеётся и хлопает в ладоши. Как с этим быть?

- А никому из вас не приходило в голову, что вам демонстрируют картинки с разных мероприятий? На сцене стоит артист и произносит очередную несусветную и очень несмешную глупость, а потом вдруг показывают зрителей, которые держатся за животы. Тут в голове созревает дилемма: или этот народ настолько глуп, что готов смеяться показанному мизинцу, или перед вами искусно созданный монтаж. Хотя, первое тоже вполне может быть, если посмотреть на наше образование и отсутствие той массы народа, которая периодически держала умную книгу в руках и потому умела думать. Сейчас думать не только не умеют... Не хотят!

- Вот вы, Геннадий Викторович, как-то в одном интервью сказали, что ваш настоящий учитель -это Аркадий Райкин. А у вас есть ученики?

- Ну, вот и наш разговор перешёл в стадию интервью, - посмеялся Хазанов, но вполне серьёзно ответил: - Я преподаю, но последователей не вижу. Как-то было желание помочь в профессиональном плане Максиму Галкину и Андрею Данилко. Это действительно настоящие таланты, однако, они очень быстро перешли в ранг шоуменов, что для меня огорчительно и досадно.

- А из боле старшего поколения?

- Вы же не будете оспаривать таланты Карцева или Миши Евдокимова, который, к сожалению, пошёл в политику, там погиб, но остался в памяти народа, как настоящий самородок? Жаль его. Это большая потеря для нашей эстрады.

- А что про Петросяна?

Тут Хазанов налил ещё полрюмки и предложил выпить под продолжение темы.

Обращаясь ко мне, он задал неожиданный вопрос, который мне показался настоящим откровением:

- Вы можете отличить кривляние от актёрской игры?

- Да. Именно это я и хотел от вас услышать! - радостно произнёс я и протянул руку для пожатия.

Он пожал мою руку и продолжил:

- Потому и программа его называется «Кривое зеркало», где ключевое слово, по-моему, именно «кривое».

Поезд уже набрал скорость, а за окном бежал ночной октябрьский дождь. Хазанов посмотрел на часы.

- У нас с вами есть ещё час и мне всё равно уже не спать. Если вы не спешите, то мне приятно побеседовать ещё немного.

Мы заказали по полторы сотни граммов водки, что-то из закуски и Хазанов сам продолжил разговор.

-Вы согласны, что засилие пошлости на эстраде ведёт к деградации общества?

- Это несомненно, - согласились мы оба сразу.

- Страшно то, что носители этой пошлости берут на себя совершенно бессовестное право выталкивать мэтров со сцены. Делают это иногда исподтишка и не всегда отдавая себе отчёт в произносимых словах.

- А можно пример?

- Вот есть такой Сергей Дроботенко. Вы его, уверен, знаете. Так вот, как-то с Леоном Измайловым мы решили провести совместный концерт в его любимом «Измайловском комплексе». Я позволил себе пригласить для участия своих друзей: Романа Карцева, Сашу Ширвиндта, Мишу Державина, Мишу Задорнова, Юру Гальцева, Клару Новикову и прочих. Узнав, что среди участников концерта есть и участники «Аншлага», Дроботенко обратился к Леону с просьбой включить и его в список. На это Измайлов ему вежливо отказал. Через какое-то время до меня дошли слова обиженного Серёжи: «Да кто такой Хазанов? Это уже старое прошлое и ничего смешного он не может выдать со сцены...».

- И что же вы ответили на такое хамство? – возмущенно спросил Володя?

- Я сказал тогда Леону: «ОНО и видно!»...

Посмеялись. Хазанов продолжил:

- Многие артисты, как и политики, ошибочно считают, что если где-то опубликована их фамилия или висит афиша, то они вошли в историю.

- Разве в этом нет доли истины? – позволил себе усомниться я.

- Вот я вам приведу один разговор на эту тему с известным руководителем фракции в Госдуме... Не надо гадать, вы и так всё поняли, о ком я ...

Тут я вспомнил недавний скандал, произошедший вокруг Жириновского и Геннадия Викторовича, когда первый обещал отправить Хазанова на Соловецкие острова за слишком резкую сатиру в адрес руководителя целой партии либеральных демократов. Вслух свою догадку озвучивать я не стал, предоставив собеседнику возможность продолжить рассказ...

- Он именно так мне и сказал, что имя для истории делают средства массовой информации.

- И что же вы ответили?

- Я ему привёл гипотетический пример: «Допустим, вы оттрахали козу на Красной Площади, а наутро вся пресса разразилась скандальным сообщением, что депутат «Ж» вошёл в интимные отношения с бедным, незащищённым животным прямо у стен Кремля. Вы, безусловно, войдёте в историю, однако, останутся вопросы: каким местом, с какой идеей и какая польза будет людям после такого действия, если домашние парнокопытные от сношения даже с великими людьми не способны не только родить, но даже увеличить жирность собственного молока?».

Мы долго смеялись, после чего Геннадий Викторович заметил:

- Самое страшное, что этот человек считает себя оракулом и говорит без умолку обо всём подряд без границ, размешивая в одном выступлении диаметрально противоположные вещи. Боюсь, что после его смерти народ будет считать его пророком, выдёргивая из контекста сумасбродных речей подходящие для текущего момента слова и идеи, выдавая их за великие предсказания.

Поезд начал сбавлять ход, дождь уже не бил в окно холодными каплями. Подходило время для прощания и я решил немного пооткровенничать:

- Геннадий Викторович, спасибо вам за такой вечер и откровенный разговор. Но я бы хотел вам признаться в том, что ещё в институте увлёкся студенческой эстрадой и был долгое время конферансье. У меня, как мне казалось, неплохо получалось и я даже получил после окончания вуза приглашение работать не по своей специальности, а конферансом в республиканскую филармонию.

- И что же вас удержало от столь опрометчивого шага? – смеясь, спросил он.

- Я уже тогда понял, что Хазановым я никогда не стану, а быть Петросяном стыдно...

Пока ожидали расчёта Геннадий Викторович предложил сделать фото с ним. Ни у меня, ни у моего соседа тогда не оказалось телефона с камерой, но Володя достал два использованных картонных талона на проезд в Московском трамвае, на которых Хазанов с удовольствием расписался.

Когда я вернулся в купе, то мои соседки, мирно посапывая, досматривали продолжения сериалов в своих старушечьих снах. И всё же я им был тогда безмерно благодарен, что они так и не дали мне попить холодного пива с таранькой.

P.S.

Проездной с автографом великого артиста я до сих пор храню при себе, иногда показывая при okazji.

«Здравствуй, дочка. Я твой папа...»

Как и любой нормальный человек, он не был лишён тщеславия, однако, в копилке его недостатков надменности и высокомерия почти не было, а стремление к славе и почитанию ограничивалось в пределах интеллигентной допустимости. Чуть за сорок и позади столько всего, чем похвастаться. Задирать при этом нос и героически выпячивать грудь не обязательно, но всё же – всё же, кое чем можно и похвалиться...

Образование высшее получил кропотливым трудом в срок. Стал отцом двух прекрасных деток. Пусть у них разные мамы, но рождены они в результате не сиюминутной неудержимой страсти, а чин по чину – в браке и по любви. Где-то на Крайнем Севере шустро сделал карьеру в чиновничьей среде и так же быстро её добровольно завершил, перейдя в мир бизнеса, наживы и чистогана. Здесь всё и сразу удалось, как однажды всё и сразу потерялось. Но он не повесил нос, не полез в петлю, не бросился с моста, а просто махнул рукой и поехал осваивать манившие его ещё со школьных уроков географии просторы Средиземного моря, заодно зарабатывая на зарубежную жизнь чем только придётся. Когда мерзкая непогода лихих девяностых стала меняться, а на небосводе российского предпринимательства на смену рэкетирским «стволам» и малиновым пиджакам пришла просвещённая коррупция, он вернулся в родную гавань и приступил к восстановлению упущенных возможностей. Преуспел. Чуть разбогател. Не состарился, приобретя здоровый лоск эдакого повидавшего всякое загорелого мачо, под серебристой сединой которого достаточно ума и уйма планов на жизнь. Как раз для реализации своих новых прожектов он и купил в кассе железнодорожного вокзала города своей студенческой молодости билет в вагон повышенного класса. Впереди Москва, впереди работа, впереди следующий этап, сулящий успех и процветание, а рядом...

Рядом стояла девушка, стараясь незаметно вытирать слёзы маленьким платочком с вышитым узором на уголке. Оценив стройность ног, ухоженность причёски и аккуратность маникюра, он проникся сочувствием к ней, а, рассмотрев огромный чемодан с оторванной ручкой, понял, что это отличный повод для знакомства. Холостому мужчине (который уж раз) не пристало гнушаться внезапно возникшей страстью от переизбытка тестостерона в состоянии брожения. Через полчаса девушка сидела в его уютном купе вагона «СВ» и, скромно улыбаясь, редко и украдкой бросала взгляд в сторону мало знакомого мужчины, любезно выручившего бедную дурочку, прозевавшую кошелек с деньгами и билетом на поезд на привокзальном базаре среди толкучки и суеты.

Ехать было с полсуток и в основном в ночное время. Говорили много. Пили вино. Он беспрестанно шутил, заводя её снова и снова на очередной виток неудержимого хохота. Уже поздно ночью, когда накопленная усталость начала одолевать зевотой, а вино было выпито до последней капли, он взял её руки в свои, нежно поцеловал длинные ухоженные пальчики и ей ничего не оставалось, как сбросив условную вуаль стеснительности, обнять его и подставить дрожащие от волнения алые губы для поцелуя...

Две недели командировки она прожила не в общежитии предприятия, а в его огромной подмосковной квартире, которую он ещё не освободил для бывшей супруги и дочери. Полмесяца пролетели мгновенно в прогулках по тропинкам Лосиногостовского острова ещё тёплыми августовскими вечерами, после которых их накрывала ночная волна незатухающего сексуального энтузиазма. Каждое утро по пути на электричку они пили свежесваренный кофе с круассанами в привокзальном кафе и долго расставались в поцелуе перед расставанием на целый день в лабиринте мчащихся поездов Московского метрополитена...

Так же долго они стояли, обнявшись в поцелуе, когда она уезжала в свой маленький городок где-то в Среднем Поволжье. Как и в первую встречу она украдкой вытирала краешки глаз вышитым белым платочком, стараясь совсем не разреветься и «украсить» своё милое личико потекшей тушью с ресниц. Поезд тронулся и он в последний раз увидел её отчаянный взгляд, поцеловал крепко в горячие губы и помог запрыгнуть в уходящий вагон...

Он обещал не забывать её и скоро найти, хотя, знал, что уже через пару дней его московская жизнь закончится навсегда, он уедет за новой мечтой и работой в затерявшийся среди Уральских гор городок, где скоро забудет девушку с вокзала города его студенческой молодости. Номер московской мобильной телефонной карты он просто выбросит из окна уходящего на Восток поезда, даже не переписав заранее телефон той девушки, которая ещё вчера отдавала ему нежность своего тела и дарила ласки страстно любящей женщины. Всё осталось позади, на перроне Казанского вокзала...

Жизнь пробурлила, как вода горных рек, впадающих в более спокойные воды равнинных широких артерий, где темп течения, как и самой жизни, приобретает некую степенность и умеренность. Позади снова карьерные вершины, спуски и перевалы, принесшие достаток и некую уверенность с крышей над головой, сытым желудком и ключом от достойного автомобиля. На душе горький осадок от предательства любимой женщины, забравшей в придачу последнюю отраду в жизни – младшую дочь. В голове только одна мысль – уйти в работу и перелистнуть очередную чёрную страницу бытия, дабы дальше начать всё с чистого листа...

- Господин управляющий, - раздался скрипучий селекторный голос, - к вам на собеседование следующий кандидат.

Он затушил сигарету в огромную пепельницу, повернулся на крутящемся кожаном кресле от компьютера к рабочему столу и разрешил войти на стук в дверь.

Стройная миловидная женщина немного старше тридцати на вид, с шикарной укладкой выкрашенных бежевых волос, в приталенном костюме делового стиля, на высоких каблуках недешёвых туфель, уверенной походкой и широкой открытой улыбкой вошла в кабинет и, не дожидаясь приглашения, легко бросила себя в кресло напротив, сразу закинув ногу на ногу, оголив острое колено заметно стройной ножки.

Впечатление она произвела сразу, как и должно было произойти с мужчиной, оказавшемся в очередной раз в положении временного холостяка. Мысли хаотично забегали, барабанили по внутренним стенкам черепной коробки. Импульсы лёгкого кровяного давления не заставили себя ждать в обеих висках. Дыхание спёрло на очередном вдохе между двумя ударами сердца.

«Стоп. Я мужчина и должен уметь себя держать в руках, тем более выдающийся руководитель, набирающий специалистов в свою команду больших профессионалов в крупный проект национального масштаба... Ну-ну, не надо так высокопарно... Не такой ты «выдающийся», «больших» профессионалов ещё надо делать, а проект твой, хоть и национальный, но ограничивается всего-то в рамках одной национальной Республики. Поменьше гонора, ведь ты не тщеславен. Закрой рот, прищури глаза, сделай задумчивое лицо и не вздумай вставать из-за стола, который ниже уровня карманов брюк. Не забывайся и веди себя подобающим образом, а не как Казанова, унюхавший возбуждающий запах фантазируемого интима... Какая женщина!

Чёрт меня побери!» - в таких размышлениях он провёл ровно полсекунды и первым начал разговор:

- Приятно видеть в своём кабинете Вас, - заглянул в резюме и уже назвал по имени.
- И мне приятно, - ответила она и обратилась к нему по имени и отчеству.
- «На двери прочитала. Внимательная... Но какая женщина!» - говорили мыли в голове.
- Откуда Вы?

Название города, которое она произнесла, отдалённо напомнило что-то, но что – он не понял. Потом она поведала о том, как училась, жила и работала в разных сферах бизнеса, дабы прокормить, одеть и воспитать маленькую дочь, которую родила и воспитывала одна.

- А муж? Да что Вам сказать? Не было его у меня никогда. Первый ещё в молодости бросил, потому что долго родить не могла. А после развода встретила прекрасного мужчину, да потеряла сразу. Позже узнала, что беременна. Мне ведь уже тридцать тогда исполнилось. Приняла, как чудо, а его найти так и не смогла... Дочка росла и всё папу ждала. У всех есть, а у неё нет. Ходила маленькая и назначала всяких знакомых мужчин своим папой, иногда доводя до ненужных соседско-подъездных скандалов между жёнами этих «пап» и мной. Я ей ещё в три года обещала, что обязательно найду ей отца, конечно, имея в виду любого мужчину, готового взять на себя заботу о моей дочери. Так и искала, пока ей не исполнилось семь лет и мы не приехали в этот город, поближе к родителям. Она ведь в школу в первый класс пойдёт, а мне работать надо. Тем более, что папу её я уже нашла...

- Вот как? – немного грустно отозвался он, понимая, что кому-то повезло, а ему с этой женщиной, в лучшем случае, придётся просто работать, - И где же он теперь? Работает? Есть квартира? Не женат?

- Насчёт «женат» не знаю. Думаю, что и квартира у него есть, хотя я не претендую. Живёт он, естественно, в этом городе, а работает в Вашем министерстве, в Вашем управлении, в этом здании...

- Да что вы говорите?! Даже так?! - он выкатил удивлённые глаза и приподнял очки рукой за дужки.

- Не поверите, но он даже сидит в этом кабинете напротив и ломает комедию, будто не узнал меня вообще!..

За окном, завешанным прозрачным тюлем, пробивался серый рассвет. Где-то внизу слышалось шарканье дворницкой метлы между автомобилями жильцов многоэтажного дома, стоящего на берегу реки, извилисто уходящей куда-то на запад, в сторону Москвы.

- Почему ты не искал меня?-спросила она тихо, глядя его седой «ёжик», положив голову на грудь.

- Я вообще сразу позабыл тебя. Ну, не совсем сразу. Сначала уехал. Потом начал работать. Заработался так, что всё постепенно стёрлось. Я ведь даже почувствовать не успел, что ты меня полюбила тогда. Всё так быстро...

- Ага! Всё так быстро, как в тамбуре. Трах-бах-тибидох! Встал. Страхнулся. Разбежались. Так?!

- Чего теперь -то уже. Ты со-мной. Лежишь рядом, как восемь лет назад и у меня есть четвертая дочь... Хотя по возрасту она третья. Ирония судьбы.

- В чём?

- В день её рождения я сидел женихом на свадьбе со своей третьей женой, не зная, что ты в этот момент рожала мне ребёнка.

- Горькая ирония, но я счастлива, что нашла тебя. Надо же. Я ведь и не думала, что так будет, когда шла на собеседование. Вхожу в кабинет, а там ты. Чуть в обморок не упала. Потому и улыбалась, как дурочка всё время. А потом понесло...

- Так понесло, что я чуть сквозь пол на провалился... Ты изменилась в лучшую сторону. Я тебя так и не узнал бы, не откройся ты мне сама. Наверное мужчины, как пчёлы кружат вокруг?

- Ну, не мухам же вокруг меня виться!- весело отшутилась она.

- Больше не будут. Я теперь рядом с вами. А какая у неё фамилия и отчество?

- Отчество конечно твоё. Слава Богу, ты мне настоящим именем назвался. А вот фамилию я тебя и не спросила. Так и дала ей свою девичью. Ты хочешь дать свою? Она у родителей и уже знает, что я тебя нашла.

- Она будет носить фамилию своего отца, - сказал он и увлѣк её поцелуем.

Жѣлтый огромный плюшевый мишка был сразу отброшен в сторону, когда девочка, разбежавшись со всей прыти, с пронзительным криком: «Папочка!», запрыгнула ему прямо на грудь. Она крепко обвила его шею руками и долго не отпускала, пока он не почувствовал, как намочила рубашка от слѣз ребёнка. Девочка оторвала головку и заглянула мужчине в глаза:

- Это правда ты?

- Да. Здравствуй, дочка. Я твой папа, - выдавил он сквозь подступивший комок в горле, еле сдерживая слѣзы...

...Школьный двор был наполнен нарядными умиленными девочками в белофартучной парадной форме и шикарными разноцветными бантами, а также смешливыми мальчиками в строгих тѣмных костюмчиках при галстуках или бабочках. За всей этой весѣлой и одновременно восторженной карапузиковой тусовкой с трогательностью наблюдали бабушки, дедушки, мамы и папы, стоявшие вокруг площади перед парадной лестницей.

Она и он стояли рядом, держась за руки и с волнением любовались дочерью, торжественно державшей в маленьких ручках огромный букет гладиолусов, сосредоточенно слушавшей выступления каких их-то важных тѣтенек и дяденек. Вдруг она медленно повернула голову с двумя белыми пышными бантами с сторону родителей, остановила взгляд на глазах отца и сквозь праздничный шум репродуктора он с лѣгкостью смог прочитать по губам дочери:

- Папа, я тебя очень люблю!

Сын Тукая.

В 1913 году в Казани в возрасте 26 лет скончался великий сын татарского народа, поэт, журналист, переводчик Габдулла Тукай, которого справедливо называют татарским Пушкиным. Но речь в этом рассказе не о нём.

Через четверть века после смерти Тукая в Башкирии родился другой именитый сын татарского народа Абрек Абзгильдин - советский и российский живописец и скульптор. Член-корреспондент Академии художеств РФ. Заслуженный художник Российской Федерации. Заслуженный деятель искусств Татарской АССР. В прочем, наш рассказ так же не совсем об этом человеке.

В 1968 году в Казани в семье учёных в третьем поколении родился симпатичный мальчик по имени Владик, который через двадцать лет, уже на исходе советского этапа развития нашей страны учился на последнем курсе факультета иностранных языков Казанского педагогического института. Вот о нём и пойдёт наше повествование.

И так, однажды Владислав, который, как это обычно бывает в студенческие годы, пришѣл сдавать экзамен на очередной сессии. Предмет не был основным на языковом факультете, но, как и любой кирпич в несущей стене дома, слыл важным и необходимым в многоэтажной пирамиде знаний будущего филолога, языковеда и переводчика. Назывался предмет – «Искусствоведение Татарстана».

Надо сказать, Владик был человеком несколько легкомысленным, по-доброму весѣлым и даже балагурным, участвовал в художественной самодеятельности и со сцены пересказывал всякие юмористические монологи популярных сатириков, часто пародируя не только полити-

ков и артистов, но и некоторых преподавателей родной Alma-mater, чем снижал уважение в студенческой среде и особую популярность в её прекрасной половине, где каждая вторая первокурсница мечтала об ухаживаниях Славика именно за ней, а каждая вторая выпускница питала надежду проснуться в постели с ним в профессорской квартире его родителей, руководивших какой-то немыслимой научной лабораторией в Академии наук Татарстана. В общем, мальчик был с приданным и считался перспективным женихом с маститой родословной, что никак не сказывалось на его успехах в учёбе, к которой Славик относился по принципу – «учу то, что интересно». Искусствоведение Татарстана в круг его научных и жизненных интересов не входило, а потому на экзамен Славик пришёл на удачу, то есть без подготовки и весьма отдалённо представляя себе само значение слова «искусствоведение».

Бодро, весело и размашистым шагом войдя в аудиторию, Владислав, не глядя на преподавателя, вытянул первый попавшийся билет и, широко улыбнувшись белыми крепкими зубами, громко отчеканил: «Билет номер пять. Творчество А. А. Абзгильдина». На лице его отражалась полная уверенность, присутствие духа и совершенное олимпийское спокойствие. То есть самые важные свойства на государственном экзамене, особенно, когда вы не знаете по заданному вопросу буквально ничего. «Ничего» от слова «совсем»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.